

УДК: 72.033

ББК: 85.11

А43

DOI: 10.18688/aa199-2-29

А. Ю. Казарян

Армянская архитектура Крыма в XIII–XV веках. К вопросу о границах между национальными/ конфессиональными традициями на полуострове¹

Средневековая армянская архитектура Крыма — явление, в значительной мере изученное с точки зрения формирования фактографической базы данных: сбора исторических сведений и первичного описания сохранившихся построек. Аналитическая сторона исследований до недавнего времени сводилась к изучению типологии конструкций, композиций и декора храмов и выяснению национальных генетических корней этой локальной традиции. Наряду с признанием вклада этого зодчества в совокупное архитектурное наследие Таврического полуострова почти всегда отсутствовало стремление к рассмотрению армянских средневековых построек в качестве составляющей регионального явления, объединявшего традиции нескольких народов, которые последовательно обосновывались на этой земле и которые в XIII–XV вв. определяли неповторимую мозаику крымской культуры. Статья является одним из начальных этапов изучения проблематики развития отдельных национальных/конфессиональных традиций в рамках такого общего явления, а также вопроса о границах между национальными стилями зодчества на полуострове. В центре внимания настоящего исследования оказалась на редкость богатая крымская армянская архитектура, представленная значительным числом монастырей и храмов. Худшая сохранность архитектурного наследия золотоордынцев, греков и особенно генуэзцев затрудняет проведение сравнительного анализа. Однако архитектурный материал существует и в археологических раскопах, и в виде фрагментов, хранящихся в музеях.

Выведенный вопрос непосредственно связан с изучением архитектурного стиля, за что исследователи крымских древностей брались крайне редко. Известная статья В. А. Сидоренко [16] явилась первой и не имевшей продолжения попыткой довольно широкого, выходящего за рамки Крыма сопоставительного анализа стилистических особенностей мусульманских, армянских и отчасти генуэзских памятников. В большинстве своём публикации по армянскому архитектурному наследию на полуострове

¹ Исследование проводится при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-04-00643/18 «Армянское архитектурное и художественное наследие юга России: храмы и монастыри, их литургические предметы и рукописи XVII–XIX вв. (по материалам коллекций Москвы, Ростова-на-Дону, Астрахани и Крыма)» (2017–2019 гг., рук. А. Ю. Казарян).

традиционно замыкались на вопросах строительной истории, топографии и типологии храмов и их отдельных решений, строительной техники и орнаментации [19; 20; 17; 18; 1; 2; 8; 12; 14; 15]. Результатом последнего историографического исследования [4] стало понимание необходимости развития собственно архитектурной проблематики с особым вниманием к вопросам стиля и архитектурного образа.

Исследователи архитектурного наследия региона давно замечали сходство строительной техники в постройках разных конфессий, что особенно наглядно прослеживается на юго-востоке полуострова, где наблюдается значительная концентрация памятников XIII–XV вв. В частности, в одной из последних работ подчеркивается роль армянской строительной традиции в распространении каменных кровель в средневековом Крыму [12, с. 60–61]. Развитие исследований строительной техники — отдельное направление, требующее археологических знаний по десяткам памятников. Небольшой объём статьи заставляет сконцентрировать внимание на отдельных архитектурных формах и резном декоре. Среди мотивов последнего, встречающихся на культовых постройках разных конфессий на полуострове и, следовательно, позволяющих проводить развернутый сравнительный анализ, можно выделить два наиболее часто встречающихся: монументально трактуемую мастерами так называемую «сельджукскую цепь» и гирлянду из спаренных полупальметт с бутонами. Оба эти орнамента неоднократно рассматривались в исследованиях, раскрывавших сходства, иногда идентичность орнаментального декора на памятниках эпохи [16; 1].

На западном портале церкви Иоанна Крестителя у Армянской крепости к востоку от Каффы (район Карантин современной Феодосии) оба этих орнаментальных мотива присутствуют (Илл. 1). Их широкие ленты соприкасаются, составляя гармоничное сочетание, казалось бы, разномасштабных и совершенно разных по происхождению мотивов. Сочетание это специфично и очень характерно для армянской архитектуры развитого средневековья, в произведениях которой варьируются высотность и детализация разных декоративных резных мотивов и рельефов. Церковь Иоанна Крестителя традиционно и без должной аргументации относится учёными к 1348 г. [20, с. 20; 18, с. 184]. Наше последнее исследование выявило на памятнике два строительных периода, при этом переделки в апсиде и новая купольная глава отнесены к периоду восстановления храма (1348). Западный портал, приобретший при этой перестройке выдвинутую арку на кронштейнах, в его основе, включающей орнаментальную раму, следовало бы отнести к более раннему времени, к XIII в. [7; 6, с. 82–83].

«Сельджукская цепь» была широко распространена в Армении уже в конце XII в., в том числе в декорации порталов. Своеобразие её воплощению на церкви Иоанна Предтечи и на многих других, далеко не только армянских постройках Крыма придаёт наличие «подложки», граница которой проходит в сантиметре от контура жгута. Однако именно на этом портале плетение не выражено рельефными формами или рублеными пересечениями жгутов. Соединения гладкие, лишь намекающие на возможное плетение. Соседствующая с этой «цепью» гирлянда растительного орнамента с бутонами в более утончённых вариациях присутствует на портале так называемой мечети Узбека в Старом Крыму 1314 г., а также на обрамлении алтаря (первоначально михраба) так называемой церкви с колоннадой в Судакской крепости, до 1365 г. строившейся в ка-

честве мечети. Последний пример показывает прямой путь проникновения восточной орнаментации в культурную среду местных католиков, а показательным примером укоренения мотива «сельджукской цепи» в искусстве генуэзцев служит находящийся в Феодосийском музее древностей камень с вариацией такого орнамента, гербом консула Марини и латинской надписью 1406 г. о строительстве в Каффе церкви Святых Петра и Павла [1, табл.VIII–1].

За орнаментом «сельджукская цепь», несомненно, закреплялась устойчивая символика, благодаря которой он активно применялся в самых разных постройках на полуострове. Вопрос о проникновении его и отмеченной гирлянды в архитектуру Крыма остается открытым, поскольку оба орнамента были популярны и в Армении, и в постройках мусульман Малой Азии [6, с. 83–84], но активность армянских мастеров на полуострове и новое предложение по датировке церкви Иоанна Крестителя в Каффе позволяют говорить об их ведущей роли в переносе и закреплении на крымской земле обсуждаемых мотивов.

Е. А. Айбабина в связи с их распространением отмечает особенности генуэзцев и феодоритов, считая, что «в пластике первых из них проявляется в некоторой степени присущая генуэзцам космополитическая ментальность людей, привыкших общаться с большим миром Средиземноморья, не замыкаясь в пределах своего отечества и своей культуры. Утверждались свои художественные принципы, но принимались и чужие. В одних случаях это стилевые заимствования, в других — это просто продукция мастеров восточных общин по заказу администрации» [1, с. 6]. Подобными качествами, включая широту общения с миром Востока и Средиземноморья и открытость к восприятию самых разных художественных ценностей, можно характеризовать и культуру средневековых армян, архитектура которых, несмотря на приверженность к разработанной ещё в раннем средневековье образности, динамически развивалась и изменялась. К сожалению, многими десятилетиями главными достоинствами армянской национальной традиции считалась не инновативность, а преемственность устоявшихся ценностей — архитектурных типов, форм и образов, а развитие усматривалось в изменении пропорций зданий, роли декора и прочем, что приводило к выявлению закономерностей, но исключало переломные процессы, воздействие на мышление зодчих изменявшейся историко-культурной ситуации. Активное усвоение нового особенно было свойственно армянским колониям, существовавшим в среде самых разных народов и порой с трудом сохранявшим фундаментальные принципы родной архитектурной культуры.

Усматривая на армянских храмах Крыма черты, похожие или подобные присутствующим на местных мусульманских сооружениях, нельзя делать однозначный вывод о влиянии решений одних мастеров на других или о переносе форм непосредственно на крымской почве. В XIII–XIV вв. в Крыму и на всём Востоке господствовали близкие стили, и обмен идеями осуществлялся на обширных пространствах. Оправившись с конца XII в. от гнета сельджуков и других мусульманских племен, Армения стала пространством особого творческого подъёма, а её мастера, усваивая и перерабатывая новые идеи, распространяли их на те территории, где господствовала аналогичная техника каменного строительства. Взаимопроникновение культур, соседство различных политических образований на Армянском нагорье и в Анатолии способствовали

сближению художественных вкусов народов этих полиэтнических регионов и обмену творческими идеями. Ещё двумя участниками взаимодействия на Ближнем и Переднем Востоке были вновь возрождавшаяся византийская архитектурная традиция и новая для этой территории культура западноевропейцев. Именно армянские заказчики и мастера с середины XII в. вступают в тесное общение с латинянами на Святой земле, усваивая новые конструктивные и пространственные решения и транслируя их в монастырское строительство на территории коренной Армении [22]. Речь должна идти именно о вовлечённости армян в новое развитие собственного, а также иранского, сельджукского и романо-готического зодчества в этом регионе в XII–XIII вв., а не об отдельных внешних влияниях на произведения армянской архитектуры. Неудивительно, что ряд форм, которые, как принято считать, особо характеризуют архитектуру мусульман, чуть ли не впервые создаются именно на армянских постройках, во всяком случае, впервые интерпретируются в них в камне. Это прежде всего сталактитовые конструкции, составляющие куполообразные своды и конхи. Ситуация на Таврическом полуострове во многом была подобна региону Ближнего и Переднего Востока, но пик развития средневекового зодчества здесь, в среде разных этносов, пришёл на чуть более позднюю эпоху, на время, когда в Италии начался Ренессанс, и это обстоятельство не могло не сказываться на художественных предпочтениях генуэзцев. Однако не стоит забывать, что развитие архитектуры в Крыму происходило на значительном удалении от основных творческих центров и характеризуется некоторой провинциальностью архитектурных задач и художественных идей.

Исследуя роль крымских национальных традиций в сложении совокупной картины зодчества на полуострове в XIII–XV вв., В. А. Сидоренко считает ошибочной переоценку «значения местных или византийских традиций» в архитектуре Юго-Восточного Крыма своими предшественниками И. Н. Бороздиным, А. С. Башкировой и др. [16, с. 124]. Придавая неоправданно большое значение политическим интригам того времени и событиям в Золотой Орде, ученый отводит «сельджукскому» искусству главную роль в сложении местной архитектуры. Опираясь на выборочные исторические сведения, он утверждает о переходе в католицизм всех армян подвластной генуэзцам Каффы, о разделении христиан на конфессии по территориальному принципу: в зависимости от их проживания либо на побережье Черного моря, либо в окрестностях города Крыма — центра золотоордынцев. «В архитектуре Юго-Восточного Крыма выделяются две основные группы памятников, существенные различия которых заключаются в их обобщающих особенностях, в том числе орнаментальных и декоративных мотивах, получивших распространение во второй половине XIII — первой четверти XV в. Первой группе принадлежат постройки армяно-католической и генуэзской колоний Каффы, а с 1365 г. — Судака. Вторая объединяет памятники г. Крыма (Солхата), принадлежавшие различным социально-этническим группам населения города и его окружи. Здесь наряду с суннитским типом постройки — медресе бытуют многочисленные джамии заметно усилившейся в XIV в. шиитской общины. В рамках того же архитектурного стиля получает развитие христианский тип культовых построек армяно-григорианской колонии и других групп населения...» — обобщает свои наблюдения Сидоренко [16, с. 127]. Очевидное отсутствие двух армянских колоний на небольшой

территории Юго-Восточного Крыма, сохранение значительным числом армян Каффы своего изначального вероисповедания [14], а также отсутствие в проведённом В. А. Сидоренко исследовании анализа развития архитектуры на протяжении одного или даже двух веков, не позволяют принять сделанные учёным выводы.

Порталы армянских храмов в своей совокупности и рассмотренные в предполагаемом хронологическом порядке являются благодатным материалом для демонстрации сложения и динамики развития местной армянской архитектурной традиции. Проведённый недавно аналитический обзор порталов [6] продемонстрировал динамично развивавшийся стиль вопреки традиции показа армянской архитектуры Крыма как явления устойчиво неизменного, имеющего свои стабильные характерные черты. Подробно представлено развитие основного типа порталов — со стрельчатой аркой на кронштейнах, который появился на церкви Иоанна Крестителя в Каффе в результате предполагаемой перестройки в 1348 г. [7]; в более компактном виде — с узкой профилированной рамой, расширяющейся на перемычке, — на порталах трёх зальных церквей на территории Армянской крепости Каффы; в более упрощённом виде — на церкви Двенадцати апостолов около Судакской крепости и церкви Параскевы в поселке Уютное (Судак). Портал с архивольтами на кронштейнах известен по Мренскому собору 639 г., одному из наиболее величественных и исторически значимых памятников «золотого века» архитектуры Армении [3, с. 167, илл. 550]. В сочетании с профилированной рамой или с колонками, доходящими до уровня перемычки, подобная конструкция была характерна для порталов романских храмов Италии. Подобные порталы могли появиться и на храмах генуэзцев в Каффе, но уже с характерной для готической эпохи стрельчатой аркой (Илл. 2). Поскольку в произведениях крымских армян создание этого типа портала совпало со временем господства генуэзцев и с восприятием иных готических форм армянскими мастерами, можно отдать предпочтение «европейским» истокам этого мотива.

Вопреки ожиданиям, исходящим из констатации В. А. Сидоренко стилевых различий в архитектуре армян прибрежных городов и глубинных, подвластных мусульманам районов, тип портала со стрельчатой аркой на кронштейнах в упрощённом виде встречается в церквях Сурб Саргис (Сергия) и Сурб Урбат (Пятницы) в селе Топты (ныне Тополевка) XIV–XV вв., построенных между Сурхатом/Солхатом (Старый Крым) и Карасубазаром. С другой стороны, самые простые порталы в виде широкой орнаментированной рамы присутствовали на первоначальном храме Иоанна Предтечи в Карантине в Каффе (предположительно XIII в.) и на церкви Св. Богородицы в Сурхате, известной нам по описаниям П. С. Паласа в 1793–1794 гг. и архимандрита Миная Медици (Минаса Бжишкяна) в 1820-е гг., а также по изображению на акварели 1783 г. художника М. М. Иванова [8, с. 35–38, рис. 1–3]. Скорее всего, этот тип портала характеризует состояние армянской традиции до времени активного генуэзского и золотоордынского строительства в Крыму, традиции, которая в XIII в. могла быть ещё прочно связана с архитектурой коренной Армении.

Вне устойчиво развивавшихся типов был создан лишь один роскошный портал с изящными колонками по сторонам проема — портал главного храма крымских армян церкви Сурб Ншан (Знамения) монастыря Сурб Хач (Креста), датируемой, согласно

надписи на барабане, 1358 г. [16, рис. 3; 19; 20, с. 16–17; 15, рис. 11]. Капители его колонок с резными гирляндами из бутонов очень похожи на декор портала так называемой мечети Узбека в Старом Крыму (1314) [9; 10], михраба мечети в Шейх-Кой (вероятно, 1358) [11] и капители из медресе Инджи-бей Хатун (1333). Однако это не позволяет называть портал церкви Сурб Ншан «незначительно видоизменённым пиштаком современных ему памятников г. Крыма» [16, с. 122]. При наличии переклички форм с постройками крымских мусульман этот портал выдержан в структуре, свойственной порталам армянской традиции, и содержит стрельчатую арку на кронштейнах, присутствующую на отмеченной группе крымских армянских построек (Илл. 3).

Обращение армянских мастеров к романо-готическим формам отражено и в таких конструктивно и содержательно значимых архитектурных элементах, как своды и купол. Это особенно отчетливо видно в церкви Архангелов Гавриила и Михаила в Каффе (1408), в связи с чем А. Л. Якобсон пишет: «С первого же взгляда на здание становится ясно, что с архитектурой самой Армении оно не имеет ни малейшей связи, ни единой точки соприкосновения. В этой армянской церкви нет ни одной армянской черты. Ктитору храма Гавриила и Михаила явно избегали родное искусство. Они, очевидно, ориентировались на совсем иную культуру» [19, с. 190; 20, с. 26–27]. Учёный полагает, что постройка «без отступлений воспроизводит архитектуру генуэзцев. Это католическая церковь армянского прихода с соответствующими её новому качеству формами. Не случайно, может быть, и то, что расположена она не за городом, а в его пределах, что как бы косвенно отражало, по крайней мере, фактически, а не официально — равноправное положение армянской церкви в генуэзском городе» [19, с. 190; 20, с. 27]. Эта оценка повторялась и перефразировалась, например, в статье Е. А. Айбабиной и С. Г. Бочарова, посчитавших, что армянские храмы Каффы «построены в традициях зодчества крымских армян, за исключением церкви Святых Архангелов, в которой А. Л. Якобсон видит влияние итальянской архитектуры» [2, с. 212–213]. Но ведь влияние не может выбить произведение из собственной традиции, и традиция никогда не развивается изолированно. Т. Э. Саргсян резонно замечает, что сходство с предполагаемыми храмами итальянцев могло быть обусловлено процессом заимствования архитектурных форм и строительных приемов [14, с. 125]. Относя категоричность заявления Якобсона к его уверенности в том, что храм принадлежал католикам, исследовательница подчеркивает армянские черты архитектуры этого памятника, опираясь на высказывания О. Х. Халпахчяна и Е. И. Лопушинской и, в частности, в качестве композиционной аналогии купольной церкви с тремя открытыми в наос апсидами предлагает видеть небольшую церковь Сурб Марине в Артике, одну из первых купольных построек в Армении [14, с. 126].

Тем не менее замеченные Якобсоном романо-готические черты церкви Архангелов совершенно очевидны, а артикский памятник (вероятно, VII в.) хронологически слишком отдален. Прежде всего эти черты проявляются в новой, несвойственной армянским храмам системе перекрытий, исключаяющей традиционную для восточнохристианского мира идею крестовокупольности. Трансепт, противопоставленный широкой сводчатой западной стороне, равен её ширине, отделён от неё сильно выдвинутыми пилонами и вверху, на уровне перекрытий, структурирован тремя формами: централь-

ным куполом и крестовыми сводами по сторонам от него (Илл. 4). Купол представляет собой сомкнутый свод с рельефными гуртами, формирующими крест на его поверхности. Армянские мастера начиная с VII в. строили крестовые и сомкнутые своды различных конфигураций, но традиция церковной архитектуры исключала такую форму главы храма. В Крыму приверженность полусферической форме купола была нарушена ещё в середине XIV в., когда восьмичастный сомкнутый свод увенчал главу церкви Иоанна Крестителя в Каффе (при перестройке 1348 г.).

Крестовые своды в том исполнении, какое представлено в церкви Архангелов, то есть с гуртами на сочленениях частей свода, также необычны для армянской традиции, но типичны для её крымской ветви. Такие своды находят аналогии в монастыре Сурб Хач и в портике утраченного жаматуна церкви Сурб Саргис в Каффе, а затем, уже в XVI в. подобный огромный крестовый свод был сооружён над наосом церкви Спасителя у села Богатое (ранее Бахчи Эли). Гурты в «куполе» церкви Архангелов могут напоминать давнюю, но к тому времени позабытую традицию армян украшать купола рельефными лучами в виде креста или солнцеподобно (в храме VII в. Св. Рипсима в Вагаршапате, соборах Мрена, Талина и др.). Однако в церкви Архангелов гурты мощные и имеют округлое сечение, причём в куполе они размещены на диагональных гранях, перекликаясь с формирующими диагональные кресты гуртами соседствующих крестовых сводов.

Вовсе не отрицая преобладания форм романо-готической архитектуры в храме Архангелов и других армянских постройках, создававшихся с середины XIV по XVI в., представляется необходимым добавить, что их создатели не пытались сознательно избегать родного искусства, как было отмечено Якобсоном, а скорее вносили в него новое, органически соединяя с традиционным. В некоторых произведениях новаций бывало мало, в других, как правило, редких, они могли доминировать над теми чертами, которые можно считать более традиционными в тот период, что, несомненно, оказывало влияние на образы храмов. Если же учитывать функционирование храма Архангелов в лоне Армянской церкви [14], становится очевидным, что причина восприятия ктиторами и мастерами инородных форм кроется не в конфессиональной принадлежности общины, а в дани архитектурной моде или в ориентации на особенности некой, неизвестной нам и значимой для заказчика постройки, возможно, даже армянской. На подобную мысль наводит сходство структуры куполов этого памятника и феодосийской церкви Иоанна Крестителя, в том числе сочетание парусов с восьмигранным карнизом под барабаном и форма этого карниза с чередой кронштейнов. С другой стороны, открывающиеся в наос три апсиды в сочетании с широким сводом на подпружных арках — это те черты, которые присутствуют в более ранних феодосийских церквях Сурб Саргис (главный храм феодосийских армян, в своей основе, возможно, наиболее древняя церковь общины) и Сурб Геворг в её первоначальном виде (1385). В своей совокупности все эти формы, а именно открытые в наос три апсиды, широкий свод на подпружных арках, сомкнутый свод главы и крестовые своды с гуртами, воплощены в церкви Архангелов. Это храм на редкость пространственный, не только высокий, но широкий, нерасчленённый и светлый, что роднит постройку в большей мере с лучшими образцами армянской архитектуры, чем с западными. Тут абсолютно

отсутствует ритмическое движение базиликального пространства, но доминирует гармония развития композиции по плановым осям и ввысь (Илл. 5).

Можно заметить, что в этом храме, построенном в начале XV в., почти нет черт, аналогичных мусульманским каменным постройкам. Но такие черты во множестве присутствуют в других постройках Каффы и в соборе монастыря Сурб Хач. Это прежде всего архитектурные детали, украшенные или формируемые сталактитами (мукарнами). Целиком покрытые рядами сталактитов капители подкупольных опор, карнизы под барабаном и конхи ниш различных литургических функций придают образам интерьеров крымских армянских церквей дополнительный восточный колорит.

Несмотря на то что с XI в. и особенно в XII–XIV вв. в процесс сложения новой стилистики архитектуры на широких пространствах к северу и западу от Ирана была активно вовлечена и Армения, здесь крайне редко можно обнаружить постройки, близкие крымским церквям своей восточной образностью. В частности, сталактитовые импосты почти нигде не украшают подкупольные опоры, а карниз из вереницы сталактитов, подобный тому, что имеется в церкви монастыря Сурб Хач, встречается в исключительных случаях. Но всё же такие исключения существовали, и они предшествовали основному этапу развития армянского зодчества в Крыму. В частности, подобный карниз присутствует в подкупольном пространстве церкви Аствацацин села Арени в области Войц-Дзор (1321) [21, р. 202]. Однако ввиду значительно повышенных пропорций этого храма и по причине выбора наиболее «местного» раковиноподобного орнамента из всего существующего набора мукарн этот карниз выглядит мягче, менее активным, чем в крымском храме. Высокие импосты украшены в Арени не сталактитами, а валами, ритм которых вторит профилированным лентам карниза, проходящего на этом уровне по четырём рукавам композиции. Другим исключением можно считать своеобразную по композиции церковь монастыря Бардзракаш (1211) [21, р. 136–137]. Большие и богато оформленные сталактитами капители её колонн сочетаются со столь же откровенно восточными стрельчатыми арками особого «персидского» рисунка. Вне пространства самих церквей, особенно в жаматунах (притворах) мощные капители, украшенные в основном по углам сталактитами, применялись часто.

В армянской архитектуре уже к концу XII в. сложилась традиция оформления интерьера церкви в сдержанной стилистической манере и с сохранением того основного образа храма, который разрабатывался в предыдущие эпохи, когда сталактитовая декорация не была ещё создана. Этому образу, как и высотным пропорциям церкви, обычно противопоставлялся приземистый, словно распластаный притвор (гавит, жаматун), интерьер которого содержал множество архитектурных форм, перекликавшихся с формами построек мусульман, населявших в то время Армению и Анатолию. Сталактитовые купола и различного рода орнаменты играли в интерьере притворов существенную роль. Подобным образом отличались друг от друга и порталы церквей и притворов. На притворах они строились настолько крупными, что перекликались с пиштаками мусульманских сооружений, но все же никогда не нарушали принятые армянскими зодчими нормы тектоники и не выбивались за контур фасада. Это строго соблюдено даже в наиболее насыщенных декором порталах, которые структурирова-

ны высокими сталактитовыми конхами: в жаматунах церкви Апостолов в Ани (вероятно, конца XII в.) и в Негуци-ванке (1271) [21, р. 150–152] (Илл. 6).

В крымском зодчестве можно заметить обратную картину: не только небольшие ниши, но и капители, и даже карниз оформлены сталактитовыми орнаментами в один или несколько рядов (Илл. 7). В то же время можно констатировать, что в притворах крымских церквей сталактитовые орнаменты и тем более сталактитовые конструкции не применялись. И вообще в Крыму, судя по известным памятникам, не воспроизводился самый распространённый тип армянских жаматунов — четырехстолпный с центральным шатром, который в целом ряде построек Армении имел сталактитовый купол или свод, с окулусом в вершине. Крымские жаматуны трёхнефные, со сводчатыми перекрытиями нефов. Учитывая это, было бы интересно сравнить сталактитовые конхи армянских построек в Крыму с аналогичными конструкциями и в Армении, и на мусульманских памятниках Таврического полуострова. Первая из этих трёх групп состоит из образцов малых архитектурных форм, инкорпорированных в интерьер церкви — это конхи ниш в апсиде и ниш с крещальными купелями в Сурб Саргис Каффы и в монастыре Сурб Хач, а также конхи ниш при порталах более поздней церкви Спасителя у нынешнего села Богатое и ниши нижнего родника в Сурб Хач. Такие формы невелики по размерам и состоят из меньшего числа рядов довольно однообразных и упрощённых мукарн. Плановые пропорции таких ниш, с незначительной глубиной по сравнению с их пролётом, убеждают в преимущественно декоративном назначении подобных форм. Столь же упрощёнными представляются конхи михрабов мечетей Узбека в Старом Крыму (1314) и в Шейх-Кой (1358). И даже в самом крупном из известных воплощений идеи сталактитовой конхи — на портале так называемой мечети Узбека — набор мукарн невелик и однообразен, что сильно отличает этот и все другие крымские образцы от памятников и армянской, и мусульманской/сельджукской традиций на основных территориях их развития в Армении и Анатолии в конце XII — XIII в. Определение первенства традиции, посредством которой сталактитовые конхи появились в Крыму, на сегодняшний день затруднительно. Не менее сложным представляется вопрос о воздействии одной традиции на другую в частных деталях. Так, неотъемлемой чертой всех порталных ниш являются низкие и узкие нишки в их боковых гранях. Такие маленькие нишки, в том числе перекрытые сталактитовой конхой, встречаем в церкви Спасителя у села Богатое [17, с. 39, рис. 12; 1, с. 159, 162, рис. 72] конца XV — XVII в. [11, с. 58]. Можно, конечно, усматривать в этой структуре портала влияние мусульманских построек на полуострове, однако надо учитывать её достаточно раннее развитие в Армении, — в отмеченных жаматунах Ани и Негуци-ванка. Взаимопроникновение конструктивных решений, архитектурных идей и образов происходило широкомасштабно, и эти примеры показывают, что мы вряд ли справимся с амбициозной задачей — разгадать конкретные источники той или иной формы в творчестве крымских мастеров. Тем не менее путь к познанию может лежать через накопление знаний и анализ всей совокупности материала.

В наши дни В. П. Кирилко предпринимает первую попытку систематизации всех сталактитовых конх мусульманских и армянских построек в Крыму. «Независимо от конфессиональной принадлежности и христианские, и мусульманские сооружения

идентичны по стилю, имеют одинаковое происхождение» — таков результат исследования ученого, который, обращаясь к базам и капителям колонн, замечает их широкое применение в мечетях и медресе, а также «в христианских храмах, преимущественно армянских либо построенных при участии армянских мастеров», приводя в пример надвратную церковь Фунского замка [13].

В осуществлённом исследовании архитектурные формы монументального зодчества средневекового Крыма выборочно предстали в качестве примеров, демонстрирующих степень размытости границ между национальными (конфессиональными) составляющими некоего общего явления. Пока лишь приблизительно обозначена стлевая близость армянских построек с произведениями генуэзцев, с одной стороны, и золотоордынцев, с другой. Неправоммерно говорить о существовании единого регионального стиля, который так и не сложился. Однако интеграция активно взаимодействовавших между собой традиций способствовала такой направленности развития.

Проблема не может быть решена признанием неких внешних влияний на каждую национальную ветвь крымской архитектуры. Скорее всего, все имевшие место пересечения обусловлены существованием общей культурной среды и общей на полуострове моды на архитектурные формы и декор, складывавшейся, несомненно, в том числе благодаря работе одних и тех же мастеров на строительстве зданий для разных конфессий. Исследование убеждает, что границы между национальными стилями лежат не в области архитектурных форм и орнаментов. Однако они существуют и должны выявляться при решении более крупных задач архитектурного творчества, связанных с композициями зданий, которые и определяли в конечном итоге своеобразие архитектурных образов каждой традиции.

Литература

1. Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. — Симферополь: Сонат, 2001. — 280 с.
2. Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // Византийский временник. — 1997. — Т. 57 (82). — С. 211–233.
3. Казарян А. Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции: 4 т. — Т. 2. — М.: Locust Standi, 2012 — 640 с.
4. Казарян А. Ю. Состояние и задачи изучения архитектуры средневекового Крыма и армянского зодчества как её важной составляющей // Искусствознание: наука, опыт, просвещение: Сб. ст. по материалам международной науч. конференции. 9–11 ноября 2017 г. / Ред.-сост. Г. У. Лукина. — М.: Гос. ин-т искусствознания, 2018. — С. 289–300.
5. Казарян А. Ю. Купола армянских церквей средневекового Крыма. К определению специфики регионального зодчества // Архитектура и искусство: от теории к практике. Т. 1 / Отв. ред. А. М. Иванова-Ильичёва, О. А. Кудинов. — Ростов-на-Дону: Южный федеральный ун-т, 2018. — С. 4–11.
6. Казарян А. Ю. Стилистическое развитие армянской архитектуры в Крыму на примере порталов XIII–XV веков // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2018. — Вып. 11. — С. 79–97.
7. Казарян А. Ю., Лошкарёва Е. А. Загадки церкви Иоанна Крестителя в Феодосии и задачи её нового архитектурно-археологического исследования // Материалы научной конференции «Археология средневекового храма», 25–29 сентября 2017 г. — Севастополь: Музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2017. — С. 31–34.
8. Кирилло В. П. Памятники армянской архитектуры Солхата // Исследования по арменистике в Украине. — Симферополь, 2008. — Вып. 1. — С. 35–41.

9. Кирилко В. П. Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. — Кишинёв: Stratum plus, 2015. — С. 509–558.
10. Кирилко В. П. Портал крымской мечети Узбека // Stratum plus. — 2015. — № 6. — С. 253–276.
11. Кирилко В. П. Михраб мечети в Шейх-Кой // Поволжская археология. — 2016. — № 2 (16). — С. 138–150.
12. Кирилко В. П. Каменные кровли в архитектуре средневекового Крыма // Stratum plus. — 2017. — Вып. 6. — С. 53–62.
13. Кирилко В. П. Сталактитовые формы в архитектуре средневекового Крыма // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 9. / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. — СПб.: МГУ имени М.В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2019. — С. . URL: <http://dx.doi.org/10.18688/aa199-6-65> (дата обращения: 27.12.2019).
14. Саргсян Т. Э. Ещё раз об армянских церквях в Феодосии XIII–XV вв. Церковь Архангелов Габриэла и Микаэла // Историко-филологический журнал. — 2002. — № 2. — С. 112–130.
15. Саргсян Т. Э., Петросян М. В. Крым: монастырь Сурб Хач. — Симферополь, 2008. — 144 с.
16. Сидоренко В. А. Исследование архитектурных стилей памятников Юго-Восточного Крыма // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Отв. ред. С. Н. Бибииков. — Киев, Наукова думка, 1988. — С. 115–128.
17. Халтахчян О. Х. Культовые постройки крымских армян // Архитектурное наследство. — 1992. — Вып. 39. — С. 32–45.
18. Халтахчян О. Х. Два армянских храма Феодосии // Архитектурное наследство. — 1999. — Вып. 43. — С. 184–195.
19. Якобсон А. Л. Армянская средневековая архитектура в Крыму // Византийский временник. — 1956. — Т. VIII. — С. 166–191.
20. Якобсон А. Л., Таманян Ю. А. Армянская архитектура в Крыму. — Ереван: Айастан, 1990. — 63 с., илл.
21. Cuneo P. Architettura Armena dal quarto al diciannovesimo secolo / Con testi e contribute di T. Brecchia Fratadocchi, M. Hasrat'yan, M. A. Lala Commeno, A. Zarian. Vol. 1–2. — Roma: De Luca Editore, 1988 — 926 p.
22. Kazaryan A. The Armenian Cathedral of Saints James in Jerusalem: Melisende and the Question of Exchange Between East and West // Romanesque and the Mediterranean. — London: British Archaeological Association, 2018. — P. 83–92.

Название статьи. Армянская архитектура Крыма в XIII–XV веках. К вопросу о границах между национальными/конфессиональными традициями на полуострове.

Сведения об авторе. Казарян Армен Юрьевич — доктор искусствоведения, директор филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ); заместитель директора по научной работе. Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, Козицкий пер., д. 5, Москва, Российская Федерация, 125009. armenkazaryan@yahoo.com

Аннотация. Средневековая армянская архитектура Крыма — явление, в значительной мере изученное с точки зрения формирования фактографической базы данных, выявления типологии храмов и выяснения национальных корней местной традиции. Хуже обстояло дело с рассмотрением армянских средневековых построек в качестве составляющей части регионального явления, объединявшего в XIII–XV вв. традиции нескольких народов. Само же существование такого совокупного, но вовсе не единого явления, как средневековая крымская архитектура, порождает вопрос о путях развития в его рамках отдельных национальных/конфессиональных традиций, а также о границах между национальными стилями зодчества на полуострове. Началу обсуждения этой взаимосвязанной проблематики на примере сравнительного анализа памятников армянской архитектуры посвящено настоящее историко-теоретическое исследование.

Становится очевидным, что формы арок и сводов, капителей и карнизов, подкупольных переходов, купольных глав и порталов армянских храмов напоминают образцы зодчества коренной Армении, но в то же время проявляют сходство с решениями на храмах других конфессий, прежде всего генуэзцев, а также на мечетях и мавзолеях, построенных по заказам правителей Золотой Орды. Скорее всего, все имевшие место пересечения были обусловлены: 1) существованием общей культурной

среды на полуострове; 2) развитием моды на архитектурные формы и декор; 3) участием одних и тех же мастеров на постройках разных конфессий (последний тезис в статье не развивается).

Исследование убеждает, что границы между национальными стилями лежат не в области архитектурных форм и орнаментов. Однако они существуют и должны выявляться при решении более крупных задач архитектурного творчества, связанных с композициями зданий, которые и определяют своеобразие архитектурных образов каждой традиции.

Ключевые слова: средневековый Крым; армянская архитектура; взаимодействие традиций; границы стилей.

Title. Armenian Architecture of the Crimea of the 13th–15th Centuries. The Issue of Boundaries between National and Confessional Traditions on the Peninsula.

Author. Kazaryan, Armen — full doctor, director of the Research Institute of Theory and History of Architecture and Town Planning, Moscow; deputy director for research. State Institute for Art Studies, Kozitskiy per., 5, 125009 Moscow, Russian Federation. armenkazaryan@yahoo.com

Abstract. Armenian medieval architecture of the Crimean peninsula is a phenomenon that has been largely studied in terms of building a factual database, identifying the church typology, and discovering national roots of the local tradition. However, those studies have not actually considered Armenian medieval heritage to be a part of a regional phenomenon that united building traditions of several peoples in the 13th–15th centuries. The very existence of such a cumulative concept as the Crimean medieval architecture forces us to raise the question of the development of some individual national/confessional traditions within it, as well as the question of boundaries between national styles of architecture on the peninsula. The present historical and theoretical research aims to give a new impetus for the discussion of these interconnected issues basing on comparative analysis of the monuments of Armenian architecture.

It becomes obvious that the forms of arches and vaults, capitals and cornices, domes and portals of the Armenian churches not only resemble some patterns of the architecture of Armenia itself, but also show similarities with the churches of other confessions, particularly Genoese, as well as with mosques and mausoleums built on the orders of the Golden Horde rulers. Most likely these interconnections existed due to the following factors: 1) common cultural environment on the Crimean peninsula; 2) developing fashion for architectural forms and decor; 3) work of the same masters on buildings of different confessions (the last thesis is not developed in the article). The study deduces that the boundaries between national styles do not lie in the field of architectural forms and ornaments. However, they do exist and they should be identified when exploring the composition of buildings, as it is the composition that determined the originality of architectural images.

Keywords: Medieval Crimea; Armenian architecture; interplay of traditions; boundaries of the styles.

References

Aybabina E. A. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffi XIV–XVIII vv. (Decorative Stone Carving of Kaffa of the 14th–18th Centuries)*. Simferopol, Sonat Publ., 2001. 280 p. (in Russian).

Aybabina E. A.; Bocharov S. G. New Materials on the History of the Medieval Armenian Colony of Kaffa. *Byzantina xponika*, 1997, vol. 57 (82), pp. 211–233 (in Russian).

Hakobyan Z. The Frescoes of the Church of Tigran Honents (St. Gregory) (1215) in Ani: Confessional Aspect. Mal'tseva S. V., Staniukovich-Denisova E. Iu.; Zakharova A. V. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 7. St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2017, pp. 269–279. Available at: <http://dx.doi.org/10.18688/aa177-2-27> (accessed 02 March 2019).

Kazaryan A. Yu. *Tserkovnaia arkhitektura stran Zakavkaz'ia VII veka: formirovanie i razvitie traditsii (Church Architecture of the 7th Century in Transcaucasian Countries: Formation and Development of the Tradition)*, vol. 2. Moscow, Locus Standi Publ., 2012. 640 p. (in Russian).

Kazaryan A. Yu. The State and the Problems of Study of the Architecture of Medieval Crimea and of the Armenian Architecture as Its Important Part. Lukina G. U. (ed.). *Iskusstvoznanie: nauka, opyt, prosveshenie: Sbornik statei po materialam nauchnoi konferentsii, 9–11 noiabria 2017 g. (Proceedings of the International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education. 9–11 November 2017)*. Moscow, State Institute for Art Studies Publ., 2018, pp. 289–300 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. The Domes of Armenian Churches of Medieval Crimea. Revisited Specific Features of the Regional Architecture. *Arkhitektura i iskusstvo: ot teorii k praktike (Architecture and Art: From Theory to*

Practice), in print (in Russian).

Kazaryan A. Yu.; Loshkareva E. A. The Riddle of the Church of John the Baptist in Feodosia and the Problems of Its New Architectural-Archeological Investigation. *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia "Archeologiia srednevekovogo Kryma"*, 25–29 sentiabria 2017 g. (Scientific Conference "Archeology of Medieval Crimea", 25–29 September 2017). Sevastopol, Khersones Tavricheskii Publ., 2017, pp. 31–34 (in Russian).

Kirilko V. P. The Monuments of Armenian Architecture of Solkhat. *Issledovaniia po armeniatike v Ukraine (Armenological Studies in Ukraine)*, vol. 1. Simferopol, 2008, pp. 35–41 (in Russian).

Kirilko V. P. Construction Periodization of the So-Called Uzbek Mosque in the Old Crimea. Bocharov S. G.; Sitnikov A. G. (eds.). *Genuevskaia Gazariia i Zolotaia Orda (Genovese Gazaria and the Golden Horde)*. Chisinau, Stratum plus Publ., 2015, pp. 509–558.

Kirilko V. P. Portal of the Crimean Mosque of Uzbek. *Stratum plus*, 2015, no. 6, pp. 253–276.

Kirilko V. P. Mihrab of the Sheikh-Koy Mosque. *Povolzhskaia arkheologiia (The Volga Region Archeology)*, 2016, no. 2 (16), pp. 138–150.

Kirilko V. P. Stone Roofs in the Architecture of the Medieval Crimea. *Stratum plus*, 2016, vol. 6, pp. 53–62.

Kirilko V. P. The Stalactite Forms in the Architecture of the Crimea in the Middle Ages. Mal'tseva S. V.; Staniukovich-Denisova E. Iu.; Zakharova A. V. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 9. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2019, pp.. Available at: <http://dx.doi.org/10.18688/aa199-6-65> (accessed 27 December 2019) (in Russian).

Sargsyan T. E. Again on the Armenian Churches in Feodosia of the 13th–15th Centuries. The Church of the Archangels Gabriel and Mikael. *Historical-Philological Journal*, 2002, no. 2, pp. 112–130 (in Russian).

Sargsyan T. E.; Petrosyan M. V. *Krym: monastyr' Surb Khach (Crimea: The Monastery of Surb Khach)*. Simferopol, Mediatsentr imeni I. Gaspinskogo Publ., 2017. 304 p. (in Russian).

Sidorenko V. A. The Study of Architectural Styles of the Monuments of the South-Eastern Crimea. *Arkhiturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu (Architectural-Archeological Investigations in Crimea)*. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1988, pp. 115–128.

Khalpakchian O. Kh. Cult Constructions of the Crimean Armenians. *Arkhiturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, 1992, vol. 39, pp. 32–45 (in Russian).

Khalpakchian O. Kh. Two Armenian Churches of Feodosia. *Arkhiturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, 1999, vol. 43, pp. 184–195 (in Russian).

Yakobson A. L. Armenian Medieval Architecture in the Crimea. *Byzantina xponika*, 1956, vol. 8 (33), pp. 166–191 (in Russian).

Yakobson A. L.; Tamanian Yu. A. *Armianskaia arkhitektura v Krymu (Armenian Architecture in the Crimea)*. Yerevan, Hayastan Publ., 1990 (in Russian).

Cuneo P. *Architettura Armena dal quarto al diciannovesimo secolo*. Roma, De Luca Editore Publ., 1988. 930 p. (in Italian).

Kazaryan A. The Armenian Cathedral of Saints James in Jerusalem: Melisende and the Question of Exchange between East and West. *Romanesque and the Mediterranean*. London, British Archaeological Association Publ., 2018, pp. 83–92.